

В палате погасили верхний свет, оставив только две тусклые лампы с теплым желтоватым оттенком у изголовья. Тетушка Лю в своем бежевом вязаном кардигане сидела на диване и листала телефон. Услышав шаги Юй Ханя, она подняла на него глаза и мягко улыбнулась:

— Помылся? Быстро спи.

Юй Хань посмотрел на нее и вдруг подумал: была бы его родная мать такой же, если бы была жива, ждала бы его возвращения домой при свете лампы.

Вся его прошлая жизнь была ужасной: отец был бессердечен, мать умерла рано, мачеха не была доброй, сводная сестра — злой, а он сам выбрал не того человека.

В этой жизни он обязательно будет счастлив, чтобы не зря даровать ему этот второй шанс.

Юй Хань лег, и тетушка Лю поправила ему одеяло, но не ушла, а села на край кровати.

— Тетушка Лю?

Её теплая, слегка шершавая рука погладила его лоб:

— Сяо Хань, завтра тебя, кажется, выписывают?

Ло Юйхань замер. Сюй Мэй никогда не обсуждала с ним подобные вещи, даже сиделки знали раньше него. Но он ничего не сказал, лишь кивнул.

Тетушка Лю продолжила:

— Я вижу, что ты еще молод, поэтому скажу тебе пару слов, не сочти за бередливость.

Ло Юйхань поспешно ответил:

— Что вы, я слушаю.

— Все эти дни я наблюдала за тобой. У вас богатая семья, но, честно говоря, родные не слишком о тебе заботятся. Раз другие не вникают, ты сам должен следить за собой. Нельзя вести себя как ребенок: есть когда хочется, и голодать, когда лень, или не притрагиваться к блюдам, которые не любишь. Организм этого не выдержит. И одевайся по погоде. Ты сейчас носишь ребенка, и если простудишься, врачи не смогут назначить тебе лекарства, придется терпеть. Так что береги себя заранее. Когда здоровье восстановится, нельзя будет все время лежать, как сейчас. Многие богатые, когда кто-то в положении, начинают кормить его как идола, но это неправильно. Нужно каждый день двигаться, иначе потом тяжело будет тебе самому...

Тетушка Лю говорила без умолку, и хотя это были обычные бытовые мелочи, Юй Хань слушал, и в глазах выступили слезы.

Он не слышал такой заботливой ворчани уже лет десять.

Эта простая, но уютная забота, как только что горячая вода в ванной, разнесла тепло по всем его конечностям. Сердце, почти остывшее от тягот прошлой жизни, согрелось. Юй Хань закрыл глаза, и слеза, скатившись после такого морщенья, упала на щеку и скрылась в висках.

Тетушка Лю умолкла и погладила его по волосам:

— Я старая, много болтаю, просто глядя на тебя, вспоминаю своего сына. Вы для меня все дети, все беспокойные. Ладно, спи, позвони потом, если будет время.

Юй Хань с закрытыми глазами кивнул.

На следующее утро, как и говорила тетушка Лю, за ним пришли, чтобы выписать. Услышав шум за дверью, Юй Хань с надеждой вышел посмотреть, но это оказалась Сюй Мэй с несколькими помощниками, а Ци Линя не было.

Юй Хань немного опечалился, но ничего не сказал. Сюй Мэй оформила выписку и сначала хотела помочь собрать вещи, но потом, решив, что в больнице слишком грязно и полно бактерий, велела выбросить все. В итоге всё прошло быстро, и они спустились вниз. Тетушка Лю стояла у входа в больницу, провожая их. Юй Хань сидел на заднем сиденье, оборачиваясь, пока фигура тетушки Лю не стала совсем крошечной и не исчезла из виду. Глаза слегка увлажнились — это был самый близкий ему человек с момента перерождения, и теперь, при расставании, на душе было очень тяжело. Раньше он не был таким сентиментальным, ведь прожил уже около тридцати лет, прошел и через то, что нужно, и через то, чего не следовало, но, возможно, из-за влияния молодого тела, эмоции Юй Ханя стали богаче и острее. Например, сейчас он чувствовал одиночество и обиду.

Это чувство заставило его спросить Сюй Мэй:

— А где Ци Линь?

Сюй Мэй, тоже сидевшая сзади и смотревшая в телефон, усмехнулась:

— Ты правда думаешь, что он хочет о тебе заботиться? Он занят важнейшими делами! Так, между прочим, сказала, а ухаживаю за тобой я.

Ее тон был неприятен, и Юй Хань не понимал, почему мать может так говорить о своем сыне. Он помнил, что в детстве тетя Сюй была очень мягкой женщиной, жила в гармонии с отцом Ци, и их отношения были прекрасными. Тогда он часто завидовал, видя, как тетя Сюй смотрит на дядю Ци, полный любви к мужу. В его глазах они были самой любящей парой в мире, а их сын Ци Линь — самым счастливым ребенком.

Тогда Сюй Мэй действительно любила Ци Линя, хотя кормление и одевание обычно делала няня, но она часто обнимала и целовала его, готовила угощения. Это была очень счастливая семья из трех человек, и он не знал, почему их отношения стали такими плохими, и почему Сюй Мэй была так жестока, что ради ребенка пожертвовала жизнью прежнего владельца тела.

Юй Хань замолчал и устремил взгляд в окно. Здания по сторонам становились реже, дорога пустела — они, вероятно, ехали в пригород. Если он не ошибался, они возвращались в старое поместье семьи Ци, где выросли Ци Линь и Ло Юйхань.

У Юй Ханя не было телефона, видимо, Сюй Мэй забрала его, чтобы он не развлекался. Смотреть на пейзаж было скучно, да и после выписки самочувствие было не очень. Вскоре он склонил голову на стекло и уснул. Проснулся, когда машина уже остановилась, и Сюй Мэй позвала:

— Выходи.

Действительно, старое поместье.

Прошло более десяти лет, дом пережил ветры и дожди, приобретя еще больше следов времени. Кроме того, что он постарел, он почти не изменился с тех пор, как Юй Хань уехал. Перед домом зеленела сочная трава, вокруг буйно разрослись деревья и кустарники, окружая красный кирпичный особняк, а на боковой стене вился густой плющ. Даже качели, на которых любил качаться маленький Ло Юйхань, все еще были на прежнем месте. Глядя на всё это, Юй Хань невольно вспомнил стихи.

*

Лица тех людей давно исчезли, но цветы персика всё так же смеются весеннему ветру.

*

Кто бы мог подумать, что вернувшись в этот дом, он будет в таком статусе.

Сюй Мэй не дала ему времени осмотреть дом, распорядившись, чтобы слуги переносили вещи, и позвала Юй Ханя внутрь. Главный дом семьи Ци был трехэтажным особняком. Раньше планировка была такой: на первом этаже — гостиная, кухня и две гостевые спальни, на втором — гостевые и спортзал, на третьем жила семья Ци Линя из трех человек. Другие родственники семьи жили в других местах. В детстве Ло Юйхань жил с папой на втором этаже, но Ци Линь не хотел и настаивал, чтобы он переехал на третий этаж жить по соседству, так что Ло Юйхань прожил там несколько лет. В доме было много комнат, и постоянно работающие водители и няни жили в них, поэтому, несмотря на размер, дом не казался пустым. К тому же там было двое детей. Хотя они и не были шумными, дом наполнился жизнью. Но сейчас, почему-то, когда Юй Хань переступил порог, он почувствовал какой-то холод и пустоту. Внутри всё было чисто и светло, люди ходили туда-сюда, но почему-то витало чувство одиночества.

Сюй Мэй сразу повела его в гостевую комнату на первом этаже, рядом с комнатой нянки Фан, которая за ним присматривала. Наверное, боялись, что он упадет с лестницы, поэтому просто запретили подниматься вверх. Комната была немаленькой и очень аккуратной, кровать была застелена, на тумбочке лежало несколько книг по раннему развитию. Юй Хань открыл шкаф — он был большим, но одежды было мало, она жалко ютилась в углу. Он наугад вытащил одну вещь и обнаружил, что это худи с напечатанным белым медведем. Он сразу же «цокнул» языком и взял другую — на этот раз с Пикачу. Юй Хань совсем не одобрял вкус этого двадцатидвухлетнего ребенка, но выбора не было. Он взял одну вещь и пошел в ванную, принял душ, переоделся и решил полежать.

Юй Хань повалился на кровать и почувствовал, как тянет поясницу. Стоя это было не так заметно, но лежа она начала ныть. Он пошевелился, пытаясь устроиться удобнее. Раньше такое бывало, если он слишком долго сидел за работой, но сегодня он ничего такого не делал. Похоже, это шалости малыша. Он перевернулся на бок и начал растирать поясницу.

<http://bllate.org/book/16423/1488147>